

Дильбар Кладо, председатель Президиума ЯблоковФонда.

Наша эта беседа пока еще пред экскурсия. Как бы я начала эту экскурсию? Как вы уже заметили, она может начаться с подходов к этому дому, потому что под коньком 2 дельфинчика. В центре России – дельфины. Казалось бы, странно, да? Но именно с интереса к млекопитающим начиналась научная деятельность Алексея Владимировича.

Морские млекопитающие навсегда остались его любовью. И когда у нас встал вопрос о том, что же сделать под коньком дома, обычно полотенца делают, всякие там узоры, петухов, конечно. Алексей Владимирович сказал: «Я хочу дельфинчиков». Как вы уже заметили, здесь, куда не посмотришь, везде что-нибудь: часы с дельфинами, лампа, просто хвост кита там, изображен. Кстати, его только недавно сделала известный скульптор Наталья Вяткина специально для этого музея.

И хотя мы это называем «пред экскурсией», но музей мы не будем называть «пред музеем», потому что это вообще не музей в таком традиционном смысле слова. Это, во-первых, дом-музей. Это немножко другое, чем музей. Во-вторых, мы его называем интерактивным. Мы придумали это и понимаем эту интерактивность как то, что в этот дом, как и раньше, при жизни Алексея Владимировича, могут приезжать его соратники, его друзья, коллеги жить здесь и работать с его архивами, знакомиться с экспонатами, которые говорят о его жизни и творчестве, практической деятельности, научной деятельности.

И могут поработать в саду, который заложил Алексей Владимирович. Там ведь уже несколько сотен яблонь он успел посадить. А места-то еще ого-го сколько! Ну, вплоть до того, что могут сходить в лес за грибами, которые так любил Алексей Владимирович. Он очень любил лес, грибы тоже, конечно!

Я не знаю, правильно ли мы дали такое определение, но мы вот назвали это интерактивностью. Поэтому это будет, конечно, необычный музей.

Этот кабинет... он совсем не такой, каким был при жизни Алексея Владимировича. Здесь, собственно, стояли другие полки, другие книги.

Но мы перевезли сюда полки, стеллажи и папки с его архивами из его рабочего кабинета, который был на Ленинском, 33. Конечно, мы не могли воссоздать и тот кабинет тоже, там одни потолки 4 с половиной метра были. Мы пытались как можно больше вместить. Маленькое отступление: он любил сверху с балкона или из окон смотреть, как растут его яблоньки. А с той стороны дома вот, из окон, которые выходят на восток, он в бинокль все время разглядывал гнездо глухарей. И строго следил, чтобы никто не заходил на эту территорию на них охотиться.

Так что, конечно, здесь вообще все интересно. А вот эта этажерка, например, принадлежала еще его дедушке. Так что мы как бы соединили три кабинета. Вот три в одном. Ну, пришлось, конечно, использовать и другие помещения для стеллажей. Их очень много. Одних только вот этих папок было около полутора тысяч, который мы привезли, плюс еще внизу есть архив, где тоже очень много всего.

Когда я говорю «мы», я имею в виду себя и Сережу. Мы вдвоем как-то все это решаем. Мы совершенно не ставим перед собой такую амбициозную задачу, как освоить весь этот архив. Это при моей жизни точно невозможно

Но для нас была самая главная задача – сохранить. Сохранить для тех, кто потом, может быть, будет интересоваться, приезжать сюда, работать здесь с этим архивами, что-то для себя интересное находить. У него очень много учеников, очень много соратников. И сейчас они приезжают, и будут приезжать, мы надеемся. И мы не собираемся вовсе этот музей передавать, скажем, государству.

Это так и будет частный музей, потому что мы сами будем решать, что здесь делать, что экспонировать - без вмешательства государства, которое может в любой момент вспомнить, что он был

оппозиционером или там еще что-то. Лучше не надо. Частные музеи в Касимове есть - музей самоваров, частный музей колоколов и колокольчиков. А это, конечно, музей очень своеобразный.

Где-то в соседнем селе появилось объявление, Я не знаю даже до сих пор, кто его написал. И что вы думаете? Уже приходят люди! Так интересно. И знаете, они приходят, конечно, мы им показываем, что можем, предупреждаем, что это еще, на самом деле, никакой не музей. Это вообще самое начало. И здесь еще будет, конечно, и много экспонатов, и какие-то, может быть, будут иметься надписи, что-то там, может быть, более рационально построим. Ну, вот пока вот так.

У меня есть подруга, она вдова очень известного поэта, которая мне, когда мы делали книгу, все время говорила: «Ну, куда ты торопишься? Какая книга, какой музей?» А мне кажется, что вот именно пока все еще тепло, надо сейчас все сделать как можно быстрее.

Интересно, что это не дом-музей в непонятно каком пространстве, в непонятно какой деревне. Мы же сюда приехали не случайно. Если вы помните, был такой очень серьезный период с 90-го на 91-й год, когда все боялись голода. И подмосковные...ближайших областей руководители запрещали просто, ставили кордоны, чтобы не шло продовольствие в Москву. Это была очень серьезная история. И мы тогда поняли, что нам просто нужно где-то посадить картошку. Посадить картошку, чтобы просто обеспечить всю нашу семью. И со стороны Алексея Владимировича, там дети, внуки. И с моей стороны – родители и так далее. У нас большой круг людей был, за которых мы несли ответственность, и мы решили где-нибудь купить дом в деревне.

Я позвонила знакомому егерю сюда. Когда-то я приехала сюда, когда работала в программе «Сельский час», приехала сюда просто делать передачу. И вот у нас остался такой знакомый. Иван Иванович Кондрашов. На самом деле при занятости Алексея Владимировича, и тогда еще моей, (я очень много тогда еще тоже работала) просто покупать дом в деревне, не имея какого-то

человека надежного, который мог бы сохранить, подсказать, помочь, это было бы, конечно, невозможно. Так что мы сюда приехали с Сережкой, выбрали дом, отдали деньги Иван Ивановичу и все. И на какое-то время забыли. А когда приехали снова, то здесь была посажена картошка, морковка, свекла. В общем, все-все-все! Все, что надо. И это нас, надо сказать, очень здорово спасло в тот год.

Но Алексей Владимирович не сразу здесь появился, потому что ему просто было некогда. И мы вообще не предполагали, что это будет дом надолго. Но приехал Алексей Владимирович, оглянулся вот так вокруг себя и сказал: «На 360 градусов лес. Это Россия. Остаемся навсегда». Вот прям сразу. Представляете?

Потом он понял, как много надо сделать в нашем старом доме, бывшей школе, мы ее потом позже купили, который тоже ему нравился прежде всего потому, что там много можно всего сделать, что там можно работать... Поскольку он был трудоголиком, для него очень важно было, что это будет поле для работы. Он же любил ну все! И вот здесь, в этом доме помимо экспонатов, помимо, я не знаю, вида из окна очень много сделано его руками. Столярных работ, слесарных, там сантехнических, электрических, ну, практически, все. Практически все делал он сам. Не знаю, когда успевал. Я вот, когда его просила немножко отдохнуть, он мне всегда говорил: «а я только и делаю, что отдыхаю: то за компьютером от плотницкой работы, то за плотницкой работой от компьютера! Я тут вообще целыми днями отдыхаю!»

Вот так. Вот так он формулировал свой образ жизни. Его коллега Володя Захаров мне рассказывал, что однажды было какое-то мероприятие, все были в запарке и Захаров ему говорит: «Алексей Владимирович, ну сядьте, хоть немножко отдохните!» Он сел, сделал такой вид ужасно жалостливый и сказал: «Володя, я не умею». Действительно, отдыхать он не умел.

Мы хотели сначала построить маленький гостевой домик. Эта идея не для Яблокова. «Давай сделаем еще один этаж, потом еще один этаж, потом это..» Короче говоря, получился вот такой большой дом. Ну а как же, потому что ему хотелось все больше и больше

работать. Вот. И то, что он такой высокий, это потому что он очень любил смотреть сверху. Просто на этом балконе, из окон, все время он поднимался, смотрел с огромным удовольствием. У нас куча всяких биноклей.

Можно считать, что эти виды, это тоже часть нашего музея. Это часть нашей экспозиции. На самом деле Алексей Владимирович мог увидеть слезинку на травинке, паучка на листке и вот это он все фотографировал. Знаете, он так много фотографировал здесь. Понимаете, ему все время хотелось остановить мгновение. Он все время хотел запечатлеть, что он видел, и чтоб потом когда-нибудь люди тоже это увидели. Как он ее видел, эту природу. Ну, видел он ее, ну, я не знаю, потрясающе просто.

Почему мы с Сережей решили, что именно это место будет как бы основным музейным местом памяти Алексея Владимировича, потому что здесь так много сделано...

Здесь буквально все-все-все с ним связано! Что он сажал. Он обожал сажать! Уже говоришь: «ну хватит, ну ладно уже, хватит, там рябина, там рябина...», «ну я еще посажу одну рябинку, ну я еще это посажу». Но ему так нравилось, что вот растет, растет, растет. Так что эти вот фотографии, они обязательно будут, конечно, показаны на Яблоковских чтениях в Петербурге. Эти чтения проходят в Доме журналистов. Такая вот инициатива... У организаторов нет никаких денег, никаких спонсоров. У них там серьезнейшие доклады, потому что вот уже прошло две конференции, я знаю их содержание. Серьезнейшие доклады ученых питерских. Очень интересные доклады. И более того, они сделали несколько небольших фильмов об Алексее Владимировиче - о том, как он принимал деятельное участие в защите Петербурга от экологических напастей всяких, начиная от атомной станции и кончая терминалами. .

Вы знаете, некоторые вещи для меня были просто удивительными совершенно. Ну, он очень был объемный человек, я даже не в состоянии была следить за всем тем, что он успевал делать каждый день. Хотя он любил мне это рассказывать. Но невозможно просто было. И вот я из этих фильмов его, из интервью вот это все узнавала. Представляете?

Я думаю, что мы здесь, вот в этом музее сделаем какую-то такую установочку, чтобы можно было показывать какие-то фильмы. Он уникальный. Яблоков уникальный, понимаете? Вот, действительно, есть люди, полностью поглощенные наукой, есть люди, полностью поглощенные какой-то политической деятельностью или еще как-то. У него, видимо, в характере.. Ну, во-первых, он природно был очень сильный, большой, сильный, физически очень сильный... прям богатырь настоящий! И действительно, природа заложила в него много силы физической и интеллектуальной.

И у него было в характере, чтобы обязательно был какой-то результат, причем такой видимый, значимый, серьезный. Вот, скажем, он исследовал морских млекопитающих. Он ездил в экспедиции, он смотрел там их морфологию, там чего-то - чего-то, он тут же придумал новую науку, которая называется фенетика. Здесь, вот, кстати, есть его фенетические книжки с Тимофеевым-Ресовским. Казалось бы, ну занимайся наукой, нет, мало. Он понял тогда, что вот этих вот животных, которых он так любил, их надо защитить. Например, считается, что именно благодаря ему прекратили промысел дельфинов. Их же вообще ловили, ели и вообще тогда истребляли. Сейчас идет кампания большая в мире за то, чтобы перестать использовать дельфинов для развлечений, закрыть все дельфинарии. Так что вот такое тоже очень интересное видеоинтервью есть.

И даже он не совсем сразу к этому пришел. Он считал, что знакомство с дельфинами в дельфинариях каким-то образом... как-то приучает детей тоже. Любовь у них воспитывает. Но когда появились новые технологии, всякие эти 3Д, вообще все это, когда можно сделать такое ощущение, что вот, ты прямо в море, вот дельфины с тобой, зачем нужно мучить дельфинов?

И он стал защитником дельфинов уже в этом плане.

Его позицию не я, а один из его соратников сформулировал так: «от идеи к действию».

Сначала у него научная идея, и в конце концов он всегда начинал действовать. А чтобы действовать, он всегда выбирал пути. Вот была природоохранная деятельность сначала просто, ни какая-то там, как мы сейчас говорим, «зеленая» общественная, - природоохранная.

Потом «зеленая», во время которой он категорически был против партии, политической работы для «зеленых».

Я сейчас вспоминаю один эпизод интересный. Это было на каком-то приеме, если я сейчас не ошибаюсь, это было в Кремле. Может, где-то еще был прием. Это было в пору Ельцина. Подходит к ним Явлинский. Григорий Алексеевич. Лохматый такой. У него такая была прическа... А у Яблокова тоже была привычка такая, которую все замечали, он всех называл на «ты». И он спрашивает: «ну что, чем занимаешься?» А Явлинский говорит: «Алексей Владимирович, я создаю оппозиционную демократическую партию». Яблоков: «Ты что, с ума сошел что ли? Какую оппозиционную демократическую партию? Кому ты будешь... нам оппозиционировать?» Он говорит: «Да, и я вас прошу вступить в эту партию»

Он говорит: «Ну, я вообще против партий».

И вот прошло несколько лет, и он оказался в партии «Яблоко» и очень близким соратником Явлинского. Он понял, что и «зеленая» работа тоже не приносит результатов уже. Сначала это было очень результативно. Но в начале 2000-х гг это все начало рушиться и еще до того, как «зеленых» всех обозвали иностранными агентами, Яблоков понял, что нужна какая-то политическая структура, политическая воля, политическое давление, чтобы отстаивать все то же самое, что он отстаивал. Понимаете? Он очень переживал, что у «Яблока» проценты такие низкие ... Он считал, и я абсолютно с ним согласна, что тот факт, что Россия недооценивает Явлинского – это большая трагедия для России, огромная, просто огромная.

Но он как мог, помогал партии. Здесь вот, кстати, есть целая полка. Там партия, партия, партия, партия... Здесь есть партия «Яблоко» и партия «Зеленая Россия», которую он начал создавать, когда осознал, что нужно партийное давление, но с «Зеленой Россией» все очень просто получилось. Собрали быстро около 20-ти тысяч членов, при необходимых 10-ти. И незадолго до окончательной регистрации наше государство преподнесло нам очень большой «подарок»: не меньше 50-ти тысяч. Мы просто уже никак не успевали, ну никак не успевали. Ну и тут Алексей Владимирович согласился на предложение Явлинского и Митрохина тогда, чтобы войти фракцией в партию «Яблоко». И «Яблоко» обещало «позеленеть», и надо сказать, что оно «позеленело». Может быть,

конечно, не так, как нам хотелось бы, но действительно «позеленело».

Вот так. Так что это был абсолютно такой осознанный выбор. Причем довольно много было тех, кто хотел в партию «Зеленая Россия», но не стали вступать в «Яблоко».

Ну Алексей Владимирович как - то и этот крест, так я считаю, и этот крест тоже взял на себя. Понимаете? Вот как он взял и сделал крест для этой часовни, и также он сделал. Вот взял этот крест на себя. И как мог его тащил, и у меня очень грустное впечатление от того, что происходит с фракцией сегодня, к сожалению. Он бы очень переживал. Вот так.

Мы возвращаемся к теме «дом-музей», да. Это очень относительно, что дом-музей. На самом деле некоторые вообще говорят, что это «Яблоков центр», потому что и дом, и Яблоков-музей, и Яблоков-сад, Яблоков-клуб. И Яблокова-часовня. Вообще деревенские люди очень скупы на проявления публично чувств. Но когда не стало Алексея Владимировича, они сказали: «мы хотим повесить доску, что эту часовню построил Алексей Владимирович Яблоков». Алексей Владимирович был скромным человеком. Он бы не согласился с такой доской. Когда мы книгу делали, и вот сейчас создаем музей, я все время слышу голос Алексея Владимировича: «не преувеличивай!»

Если ему вот только скажу: «ну как же, ты же..», он всегда мне говорил: «не преувеличивай». И вот поэтому, когда задумали эту доску, и там такую надпись, что часовню построил Алексей Владимирович... Ну, не он же один ее построил на самом деле. Да, его основные деньги и основной физический труд его, как ни странно. Тем не менее, я настояла на том, чтобы сделали все-таки более скромную такую надпись на этой табличке. Ну, они со мной согласились, вот вчера вы присутствовали на ее торжественном открытии. Все сделали сами прихожане. Я ничего не вкладывала туда, кроме того что немного подредактировала табличку. И это особенно ценно на самом деле. Они действительно его очень любили. И не могло быть иначе. И вот смотрите, вот эти «Макушки лета»... Когда Алексею Владимировичу было уже очень плохо, и он в принципе уже не мог на «Макушке» присутствовать. По его просьбе его Сережка туда привез, он из машины уже не выходил.

Он сказал: «Пока мы не проведем «макушку», не уедем». То есть он придавал очень большое значение вот этому. Он вообще был такой творческий человек, вы знаете, с этой «макушкой» вот... Трудно поверить, особенно при этом иконостасе, где он там, я не знаю, с Путиным, с Ельциным, с Горбачевым, с Манделой, со шведской королевой... Принтер у него в кабинете стоял. И я ему, например, приношу там какое-то просто объявление, что там вот «собираемся на репетицию...» чтобы он просто распечатал, или просто по электронной почте высылаю из комнаты в комнату, обязательно отредактирует, обязательно! Я уже не говорю о том, что идеи подавал для интермедий, для всего. Он так активно во всем участвовал. Это потрясающе просто.

Я буквально позавчера нашла склеенное что-то, скотчем обернутое... Смотрю, что там такое, а там оказывается, интервью, которое дал его друг Анатолий Ким «Литературной газете», когда Киму исполнилось 75 лет. И как-то Ким привез ему это интервью. Мы вместе с Кимами уехали к знакомым, а он остался, сказал, что ему некогда. Он должен работать, он с нами не поедет. Ну, он не поехал. При этом он так исчеркал это интервью. Там столько его замечаний, реплик, всего. Потом он это все склеил и положил на полку. И вот два дня назад я это интервью нашла. Он буквально ко всему относился так цепко-цепко. Он в самую глубь пытался всегда вникнуть.

Так что буду стараться не преувеличивать как-то. Как получится, не понимаю еще. Я хочу рассказать еще о некоторых экспонатах. Пока кроме как из рабочего кабинета Алексея Владимировича, мы ничего сюда из дома не привозили. И вот из основного здешнего кабинета, например, мы привезли такую ленту, похожую на колпак. которую вручили ему, когда присваивали звание почетного доктора Брюссельского университета. Он довольно легкомысленно относился ко всяким регалиям, наградам, грамотам. Вот и этот «знак отличия» он привез в деревню и забросил. Чем еще интересна эта лента, что точно такую же ленту в тот же день и час получал Вацлав Гавел, тогдашний президент Чехии. То есть уровень достаточно высокий. Понимаете? Или, например, взять, за моей спиной оригинал... диплом... или я даже не знаю, как это называется, свидетельство того, что он

получил премию Топфера. Это такая немецкая премия. Но известно же, что Нобелевской премии по биологии не бывает из-за того, что жена Нобеля или любимая девушка, точно не помню, изменила ему с биологом, и навсегда биологи были наказаны Нобелем, который, как вы знаете, открыл порох.

А вот про эту премию говорят, что она в какой-то степени замена Нобелевской премии. Но это было много лет назад, в Петербурге все это торжественно вручалось. И тоже он взял и... Он был еще тогда, по-моему, в Верховном совете. То есть, он ушел из науки. Ушел сознательно для того, чтобы поддержать молодую демократию. Абсолютно сознательный выбор. Он очень любил науку. Просто очень любил. он просто переступил через себя вот так и пошел в политику.

И на вручении этой премии академик Соколов ему сказал: «Алеша, куда ты пошел? Возвращайся, ты нужен науке! Что ты делаешь? Возвращайся!» И должна вам сказать, что Алексей Владимирович столько времени он был как бы вне науки, на самом деле он, конечно, занимался наукой. Я вот вспомню такой эпизод.

В Вашингтоне, в самом крупном в Америке Смитсоновском музее, у Алексея Владимировича был свой стол. Внизу там где-то, в подвалах. И когда мы туда приехали в первый раз, он у меня отпросился на пол часика, чтобы спуститься к своему столу. А меня попросил пока побродить по музею.

И сказал, что ему надо там кое-чего посмотреть. Там, насколько я знаю, хранились черепа дельфинов. А он же фенетикой занимался, в том числе проверял свои идеи на дельфинах. Я его ждала-ждала, ждала-ждала. Выходит Яблоков. Часа через три. Весь пропах формалином. Такой счастливый, знаете, у меня вот до сих пор в глазах, человек необыкновенно счастливый. Мне кажется, что даже когда он мне объяснялся в любви, он не был таким счастливым, как когда он пообщался с этими черепами.

Очень любил науку. И вот здесь, кстати, есть целая полочка, где собраны его работы, они им скомпонованы. Там научные работы недавних лет. И это все уже те годы, когда он занимался политикой и общественной работой. То есть он, конечно, науку не оставлял все-таки. Последняя его научная работа вышла уже в 18-ом году в соавторстве с А. Керженцевым и В. Левченко «Очерки биосферологии». То есть вот от этих черепов к таким глобальным,

серьезным вопросам, как будущее биосферы. Это очень интересно. Я не хочу сказать, что никто над этим не задумывался.

Задумывались, еще Вернадский! Но он предложил новую концепцию. Что делать. Потому что все говорят: «Ах-ах-ах! Биосфера в опасности, она пропадет, если человек будет так себя вести, кошмар-кошмар-кошмар». Яблоков предложил ПУТЬ спасения биосферы.

Он как ученый составил всякие таблицы, какие-то выкладки, какие-то рисунки, там графики... Я в этом, честно говоря, вообще ничего не понимаю. Он предложил путь, который, возможно, все-таки спасет нашу биосферу, а, следовательно, и человека в ней. Возможно. Чем эта работа отличается от всех остальных тревожных работ о биосфере, никто не предложил путь. А он в частности то, что может быть понятно всем, говорил, что путь – это не так называемое устойчивое развитие, то, что было провозглашено. И против чего, кстати, сразу выступил академик Моисеев. Яблоков тогда с ним не согласился. Потом понял, насколько это было правильно. Так вот теперь Яблоков говорит, что устойчивое развитие надо заменить управляемой биосферой. Должно быть кризисное управление биосферой. И он, значит, пишет, что надо делать и как.

Знаете, мы поместили в книгу «ЯблоковСад» популярное изложение этих очерков, которое вышла перед этим незадолго в одном из журналов, и поместили туда письмо, которое уже чрез год после ухода Алексея Владимировича появилось в печати. Пятнадцать тысяч ученых мира написали такое тревожное письмо о состоянии биосферы, и что может с ней быть, если продолжать дальше так хозяйствовать, в том числе и в рамках устойчивого развития.

Вернемся в музей. Здесь очень-очень много, наверное, подавляющее большинство папок, связанных с радиацией. Должна сказать, что Алексей Владимирович радиацией стал заниматься как ни странно уже после того, как я ею занялась. Вот так бывает. В 1991 году у меня была большая часовая передача о Чернобыле. Я туда ездила весной в командировку, передача была резонансная, определена как лучшая за неделю на всем телевидении. После эфира ко мне на работу пришли физики и сказали: «Как Вас вообще мог муж отпустить туда? Вы же понимаете, что там..» А это была

весна, пахота, земля. «Понимаю, цезий, стронций» . «А где же у Вас плутоний?» - спрашивают. А я думаю, что-то у меня информации мало. Показывают страшные документы и просят оставить их приход в тайне. Тогда я, тогда было еще можно, в открытом эфире, уже какой-то другой, не своей передаче выступила с заявлением о плутонии. Нигде в СМИ о нем не упоминали. Был большой-большой секрет. И я рассказала о том, какую опасность представляет именно выброшенный плутоний. Ну, и Яблокову я тогда уже все это дала. Мы тогда уже были женаты. Он вообще пришел в ужас, в ярость буквально и решил этим серьезно заняться. А до этого.. Мы же с ним познакомились на пестицидах, я же в «Сельском часе» работала, а до этого вот он также взялся за пестициды. Академия наук ему поручила доклад сделать. Ну, казалось бы, где морские млекопитающие, а где пестициды, да. Но он взялся за это, он сделал доклад. Секретный был. Для служебного пользования. Я когда узнала случайно, что он этим занимается, я к нему приехала, он дал мне этот доклад, ну и...

В общем, мы поженились в результате. Короче говоря, вот он точно также взялся за вот эти радиационные проблемы. И надо сказать, что последняя его книга - толстенная книга Чернобыльская, 6-ое издание.

Сначала на английском языке в Америке, потом на Украине и в России, в Японии во Франции и снова в России. С каждым годом книги становились все толще, и последнее издание, которое он презентовал весной в апреле шестнадцатого года, в год 30-летия Чернобыля, как он сказал, «это самая моя толстая книга в жизни».

Я бы могла назвать его работы по радиационной опасности так же, как у меня назывался один из моих фильмов «Пространство Чернобыля». То, чем он занимался, это было Пространство Чернобыля. Это значит и сам Чернобыль, сама катастрофа, это и его влияние на здоровье людей, это Чернобыль на территории Европы, это Чернобыль на территории России ...

Вот в нашей книге «ЯблоковСад» есть очень интересный эпизод. Благодаря Яблокову, какие-то районы, которые чиновники не хотели признавать или «случайно» вычеркнули из списка пораженных Чернобылем, чтобы не платить деньги, эта несправедливость была устранена и люди до сих пор получают деньги. А атомные ядерные установки из Москвы, благодаря ему,

были выведены и, может быть, именно поэтому не случилось в Москве «Чернобыля», хотя это просто неминуемо было бы при надвигающихся террористических актах. Просто неминуемо было бы.

Я бы все это назвала «Пространством Чернобыля». Яблоков очень серьезно этим занимался. И он, например, как ученый - это само собой, как публицист - это само собой, как природоохранник - это само собой. Но плюс еще, как ... ну да, это, наверное, можно сказать, как «зеленый». Например, стоял целые сутки в пикете в Женеве около офиса международной организации здравоохранения, значит, с требованием, чтобы они изменили отношение к последствиям Чернобыльской аварии. Есть, кстати, в нашей книжке эта фотография. Так что он, конечно, если уж берется, то использует все доступные средства.

Однажды мы с ним были в отпуске. Однажды почти за 30 лет. Это было в Греции. Он поехал туда со мной, чтобы поискать корни моих предков Кладос. И он просидел в библиотеке в Афинах два дня, ужас! Так вот, когда мы оттуда приехали, меня все спрашивали, ну как. Я говорю, представляете, он ни разу за две недели не заговорил об атомной энергетике! Это было счастье. Он был очень увлекающийся человек. И всегда максимально хотел быть полезным в любом деле, которым занимался.

Однажды на каком-то приеме, к нему подошел академик Велихов и говорит: «Слушай, мы вот сейчас думаем, кого поставить во главе Минатома». и называет фамилию. Не буду сейчас ее называть. А Яблоков, Господи, ну святой человек, а Яблоков говорит: «Ты что, с ума сошел? Он же врет!» А Велихов говорит: «Ну и что?» И этого человека назначили. И он выпустил книгу «Я – ястреб» Он гордился тем, что он стал ястребом.

Но вскоре уже пришли новые люди, сдвинули этого человека, о котором мы потом вспоминали, как о замечательном по сравнению с Адамовым, который вообще оказался мошенником. Ставленник Березовского и так далее... Этот Адамов, которого посадили сначала в тюрьму в Америке, потом его быстро вызволили, но он перестал быть министром.

Но Адамов сыграл положительную роль в сооружении нашей часовни.

И вот какую. Была такая приличная передача на НТВ «Глас народа» - Сорокина вела. И вот пригласили и Яблокова и Адамова

на одну передачу. Как раз об атомной энергетике. И Яблоков уже ближе к концу передачи озвучивает цифры из журнала Минатома. Какие-то цифры, которые не понравились Адамову. И Адамов бросает ему в лицо: «Вы лжец!» Вот так вот буквально. И Яблоков ничего не может ответить, очень быстро передача заканчивается, прямой эфир был. И тогда мы решили подавать в суд на Адамова за оскорбления и так далее.. достоинства. И подали. И выиграли. Но Адамов денег не отдавал. Не отдавал, не отдавал, не отдавал.. и был уже новый министр. И уже также опять на передаче «Глас народа» я подошла к этому новому министру и говорю: «Слушайте, ваш Адамов...» А Адамов остался работать в этой системе. «Ваш Адамов денежки не отдает». Он говорит: «Да? Я ему скажу» И что вы думаете? Адамов через два дня прислал деньги. И это был первый большой взнос в нашу часовню!

Так что вот так. И вы знаете, давайте еще вернемся к этим ядерным делам. Была еще одна чрезвычайно важная вещь. Чрезвычайно важная. Алексей Владимирович, а он же такой был въедливый! Он все вот с карандашом в руках.... И он начал изучать соглашение России с Ираном. Ядерная сделка, так называемая, с Ираном. О строительстве атомной станции силами России и фактически за деньги России. Сначала же мы платим деньги, а потом они уже возвращают долг. И вдруг он видит, что там есть военная составляющая. Он, конечно, пришел в ужас.

Он звонит всем этим военным экспертам, чтобы узнать вообще, правильно ли он думал. Он всегда все проверял. Вот такие вещи, которые... ну не был в которых спец уж такой... он всегда их проверял на специалистах. Всегда. И тут он говорит : « послушайте, вот так-то, так-то, так-то. Значит ли это, что они смогут сделать бомбу?» И специалисты сказали: «Да».

Мы заключили с ними такое соглашение за денежки, что они смогут сделать бомбу. А то, что это на границе с Россией?! Он пришел в ужас. И стал «бить во все колокола». И очень многие возмущались, скажем, даже Примаков, я уже не говорю о таких как Шойгу, который вообще считал его иностранным шпионом... Яблокова! Смех просто и грех, честное слово! Это другие люди. И у них другие об интересы.

И значит, они, конечно, стали на него «катить бочки», да. Так, мягко говоря. Ну, у Ельцина был сложный вообще характер, но он очень доверял Яблокову. И когда Яблоков пошел к нему и все это

рассказал, Ельцин подписал специальный указ «об исключении военной компоненты из этого соглашения».

Понимаете? И с этого момента Яблоков стал отслеживать все наши соглашения. Все наши границы! Где, что, чего, кто! Кто нам может угрожать... А патриоты все вот эти были против такой его работы. Нормально?

Меня даже первое время здесь в деревне спрашивали: «Ну что он, кто он такой-то? Что к нему все ездят-то?» Здесь же бесконечно, бесконечно корреспонденты. Я говорю, понимаете, вот есть очень хорошие люди, которые выполняют очень хорошо свои обязанности по отношению к семье. Есть люди, которые очень хорошо выполнять свои обязанности по отношению, например, к своей профессии, к своему институту или заводу, где они работают, есть очень хорошие люди, которые заботятся о своей деревне, а он заботится о всей планете. Вот в этом его предназначение. Он заботится о всей планете. Он был человеком мира.

Я вот о чем еще хотела бы сказать. Есть такой институт биологии развития имени Кольцова, в котором Алексей Владимирович, вот за исключением своей государственной службы, работал. И на вечере памяти Алексея Владимировича его директор вдруг сказал: «А ведь смотрите, у нас было три нравственных ориентира. Всего три, и их мы потеряли. Это Лихачев, Сахаров и Яблоков. И все они учёные», - сказал он с гордостью. И действительно, ведь все они ученые, я как-то об этом не задумывалась раньше. А мне кажется, вообще на эту тему стоит подумать, поразмышлять, почему именно ум ученого, который и предназначен для того, чтобы в самую суть проникать предмета, выводил их вот на эту дорогу, очень интересно, по-моему.

Вот смотрите, Алексей Владимирович всегда с удовольствием помогал мне рукоделить. Вот, например, мне подарили потрясающую совершенно уникальную вещь – это вышивка и очень тонкое кружево, для полотенец делали концы такие. Это из одной деревни, где не было никакого сельского хозяйства, а деревня славилась тем, что туда привозили незаконно рожденных детей всяких бар и им привозили вот такие подарки. И вот в одном

сундуке одна из женщин нашла у бабушки такой подарок, такую прелесть. Она мне подарила. Потому что этот дом такой объемный оказался, что все тут стали все дарить. И Алексей Владимирович сделал рамку такую, и мы сделали вот такую вещь очень интересную.

Или, например, тоже одна женщина подарила платок середины 19-го века, который сделан на мануфактуре, которая принадлежала ее предкам. Алексей Владимирович сделал раму. И там, кстати, вы видели, наверное, еще два платка есть - такой дизайн этого дома. Но, конечно, самое такое интересное здесь дизайн кухни. Это Сережкина была идея, что не должно быть здесь никаких шкафов. И тогда Алексей Владимирович для того, чтобы столешницы сделать на кронштейнах, он клал на пол ватник, ложился на этот ватник и крепил все кронштейны лежа. Бревна-то разного объема! И потом он проложил столешницы кафелем. Алексей Владимирович, понимаете, вот он всегда говорил: «глаза страшатся, а руки делают».

Как это он все делал, как это он все успевал... Не знаю, все, даже вот большие мастера, и то удивляются. Или, например, вот это, смотрите, это называется полати. Это печка, лежанка печки. Полати, как известно, не должны быть кирпичными, потому что голова должна лежать на холодном, на деревянных полатях. Здесь они грелись, но голова должна быть на полатях. И вот Алексей Владимирович украсил вот эти полати такой резьбой своей. Даже когда на улице пасмурно, из-за того, что оранжевые занавески, здесь всегда солнечно, так вот задумано.

Алексей Владимирович очень любил гостей. И гости, далеко не все, конечно, привозили нам лягушки. Так что, вот лягушки, вы можете посмотреть. Так что вы представляете, сколько к нам приходило гостей! И полочки, конечно, делал Алексей Владимирович. Не только вырезал, он и дизайн придумывал, узоры.

А в часовне, к 10-летию часовни он сделал такой наличник для дверей. и я, конечно, видела рисунок, когда он работал, и когда уже он сделал, я увидела, что он подложил, он от меня специально скрыл, чтобы сделать мне сюрприз, он подложил под этот наличник

фольгу, и она прямо так засияла, так засияла, так здорово вообще, такой сюрприз.

Кстати, интересно, что когда нужны были какие-то полочки для часовни, всегда шли к нему, не к местным ребятам, которые тоже есть тут плотники и столяры. Всегда к нему шли, он делал сразу. А эти-то: «да мне некогда, да у меня своей работы полно», так вот как-то разговаривают. А Яблоков говорил только одно слово: «с удовольствием!» И тут же делал. Поэтому они его так и любят все. Женщины особенно.

Он, действительно, вот вчера говорила Валя, что он очень любил «Калину Красную» петь, но не только, он действительно любил очень петь. И когда к нам приходили, особенно они такие, ряженые... когда в Рождество. всегда застолье, песни. Здорово! Он с Кимом, кстати, пел. Ким здорово поет! Ким очень знает и любит русские песни. Так что вот. Такие у нас мужчины-песенники.

Меня часто спрашивают «ну для чего тебе вот это надо, ну для чего ты создаешь вот этот музей, память и так сохранится об Алексее Владимировиче». Просто я тоже очень социальный человек, как Алексей Владимирович, поэтому какая-то, конечно, задача социальная, внутренняя такая, она стоит. Мне очень хочется, чтобы люди понимали, вот на примере жизни Алексея Владимировича, чтобы просто реально это видели, лишний раз с этим столкнулись, что можно быть высоконравственным человеком, абсолютно честным, абсолютно не ангажированным, очень добрым, веселым и очень успешным в жизни. Он кстати говорил, что он счастливый человек, он, действительно, ощущал себя счастливым человеком, он столько преодолел, у него столько было неприятностей в жизни, и горя, кстати говоря, тоже. Но он при всем при этом остался очень оптимистичным и очень-очень таким .. людеобильным, не любвеобильным, а как бы сказать, он очень любил людей. Он был просто очень добрый человек. И вторая задача, это уже вот этого музея, больше чем книги. Это сохранить его интеллектуальное наследие, хотя бы пока просто сохранить для может быть будущих поколений.

Я абсолютно убеждена и, кстати говоря, многие его соратники об этом говорили, когда подбирали мне в том числе архивы в других

помещениях, кроме кабинета Алексея Владимировича, «все равно возьмите, все равно это кому-то пригодится, кто-то будет писать о нем работу, кто-то будет из серии «Жизнь замечательных людей», кто-то по науке, потому что найдутся такие люди, которые будут с этими архивами работать обязательно». И вот сохранить это, мне кажется, что вот это очень важно. В этом смысле, конечно, вот эта работа она, как бы это сказать, она одухотворяет и как-то даже облагораживает тех, кто тоже с ней связан, потому что даже вот, казалось бы, такой пока что микро, пока что предмузей, невозможно было бы создать, если бы мне не помогли волонтеры. Просто приезжали, приходили, таскали эти полки, раскладывали папки...это чисто волонтерская работа. Я видела, как они гордятся тем, что они ее выполняют, так что мне кажется, что это очень важно.

И, конечно, еще одна вещь. Многие, конечно, знают Алексея Владимировича по каким-то его трудам, высказываниям, в конце концов, по его появлениям на экране телевизора, но очень мало кто понимает, насколько объемным был этот человек. А вот представить его, сохранить память о нем именно в том объеме, в каком он существовал...хотя бы в приближении, хотя бы в приближении, мне очень хочется.